

Владимир Матвеев
«Память сердца всегда дорога...»

[К 50-летию поэта Виталия Крёкова]
// Кемерово. – 1996. – № 31 (358). – 8 августа. – С. 5.

В теперь уже давние годы мы с моим хорошим приятелем-лириком сидели у меня в квартире и беседовали. Вдруг стук в дверь ногой. Открываю – на пороге восторженный молодой человек с огромной охапкой сена в руках:

– Половину охапки оставляю вам, остальное надо нести Баянычу. Может быть, мало? Я ещё принесу.

– Пожалуй, хватит, – пошутил приятель, – нам и этого за день не съесть.

– Да вы понюхайте, сено-то свежее, только что из деревни.

Сено принёс не кто иной, как начинающий тогда поэт Виталий Крёков, теперь член Союза писателей России, автор нескольких лирических сборников. Даже не верится, что ему 10 августа нынешнего года – пятьдесят. Он юн сердцем, пишет чудесные стихи о родном крае, о деревенском детстве, о любви, о природе.

У него удивительный дар восхищать читателей колоритными, светлыми образами, в основе которых вроде бы привычные картинки повседневности. Его слово, даже о вещах не очень весёлых, одухотворённое, звонкое, праздничное. Это, по сути, гимны матери-природе, благодарность сына «картофельных полей» за выпавшую участь принадлежать беспокойному, меняющемуся, но такому удивительному миру. Не забыт и знакомый нам духмяный аромат молодого сена:

Как остро чувствуют глаза:
Над крышами нависла нега,
Собачий лай и голоса
Туда скользят по хлопьям снега.
Герани поздней алый ком
В окне. Забота утро будит.
Уже за ранним молоком
Спешат с бидончиками люди.
И там, где замирают дни,
Высокое тревожит слово:
Как будто детство пронесли
Охапкой сена молодого.

Высокое тревожное слово нашего земляка, известного сибирского поэта Виталия Крёкова лишено велеречивости, известных фокусов версификации. Оно по-своему музыкально, запоминается с первого прочтения. В наставниках у нашего юбиляра в разное время состояли сторонники разных творческих вер. Появилось опасение: не поддастся ли он

модным веяниям, не изменит ли своему «божественному» призванию? Натура сибиряка оказалась крепкой, цельной, он не стал ни «деревенщиком», ни урбанистом, он стал просто Поэтом! Берите наугад любые его стихи и вы убедитесь в этом.

А я как будто на всё лето дачник.
Шумят от гроз ожившие сады,
И на стене играет тёплый зайчик
От кадки, полной дождевой воды.
На чёрных грядках острые росточки,
А на лугах, скрывая боль утрат,
Оранжевые, синие цветочки
На человека вежливо глядят.
Я самой нежной жаждал насладиться,
Но оказалось, выше нет любви,
Чем ощущать, как горный воздух лица,
Отмеченные памятью земли.

Понятия духа, божественной благодати, святости – привычны для поэтической лексики нашего автора. Особенно «повезло» им в антологии «Дороже серебра и злата». Мне даже показалось, что небо здесь «довлеет» над землёй, что заоблачные сферы отдалили Виталия от того, без чего не состоялся бы он как творческая личность. Я как читатель воспринимаю с большим интересом те произведения, где всеильный Боже – лишь символ всего подлинно человеческого, благородного, далёкого от каких-то намёков на мистическое начало:

Наша бедность граничила с Богом...
Память сердца всегда дорога.
За сухим ископыченным логом
На закате темнели стога.
...Одуванчиков жёлтых обнов,
На прополке картофеля мать...
Неустанно, как доброе слово,
Хорошо это всё вспоминать.

Виталий Крёков не нуждается в советах, знает, куда и как идти. Его главный вдохновитель и подсказчик – «память сердца». И поскольку она ему «всегда дорога» будут и оригинальные лирические откровения, и счастливые находки.